

СТАНОВЛЕНИЕ ЦЕННОСТНОЙ СТРУКТУРЫ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ЭТИКА ЗНАНИЯ VS ЭТИКА РАЗВИТИЯ

Черепанова М.В.

научный руководитель д-р филос. наук Корниенко А.А.

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Проблема роли науки в прогрессивном развитии общества, так или иначе, затрагивалась во все времена, начиная с эпохи Античности. Так, Р. Декарт в шестой части «Рассуждения о методе» (1637) говорит об обязанности ученого добиваться всеми силами высшего блага человечества. Это, в свою очередь, подразумевает распространение знаний и обмен результатами исследований со всем обществом. «Человеческая щедрость» должна стать основой для триумфа науки в области решения практических задач. Это отсылает к высказыванию Ф. Бэкона в «*Valerius Terminus*» о том, что Бог наделил человека даром мысли, возможностью овладеть всем знанием, при условии, что он направит их на улучшение уровня жизни каждого человека и общества, в противном случае, знание становится пагубным и таит в себе серьезную угрозу.

Сегодня исключительная роль науки в жизни общества уже не подвергается сомнению: она является не только непосредственной производительной силой, но и важнейшим фактором социокультурного развития. Выдающиеся открытия в области науки и техники способствовали росту уровня жизни и благосостояния людей во многих регионах мира. Однако одновременно открывается обратная сторона этого влияния: абсолютизация истины как высшей ценности научного знания вне ее связи с общечеловеческими нравственными установками приводит к ряду негативных последствий, наиболее остро проявившихся во второй половине XX века. В силу этого вопрос о соотношении целей развития науки и общества, о значимости этической составляющей научных исследований является одним из важнейших аспектов анализа современной социокультурной ситуации.

Этическая установка, согласно которой идея служения истине или научно-техническому прогрессу является самодостаточной и не нуждается в моральном оправдании, имеет своим истоком мировоззрение эпохи Просвещения: в этот период сформировался тезис о том, что наука не несет в себе негативного заряда и непременно ведет к прогрессу и процветанию человечества. С этого момента начинает свое развитие концепция ценностной нейтральности науки. Наиболее широкое распространение в научном сообществе эта установка, подкрепленная философией неопозитивизма, получает в 30-40-е гг. XX века.

Ключевыми аргументами сторонников концепции ценностной нейтральности науки являются следующие: во-первых, у этики и науки различные предметы (этика занимается миром должного, а наука – миром сущего), и, во-вторых, отсутствие тех или иных моральных качеств у учёного никак не отражается на результатах его исследований [1]. При этом наука не оказывается полностью исключенной из сферы аксиологии: она сохраняет внутренние когнитивные ценности, такие как стремление к истине и объективность. На основании этих установок в 70-е гг. XX века французским биологом Жаком Моно (*Jacques Monod*), лауреатом Нобелевской премии, была предложена идея так называемой «этики знания», сохраняющей ключевые черты классической научной рациональности, согласно которой «наука покоится на строго объективном подходе к анализу и интерпретации Вселенной, включая самого человека и человеческое общество. Наука игнорирует и должна игнорировать ценностные суждения» [2].

Идеи Ж. Моно были подробно изложены в его работе «Случайность и необходимость» (1970). С точки зрения автора, каждый человек наделен врожденным стремлением к поиску смысла жизни, который дает начало различным формам духовной практики – мифологии, религии, философии, науке. На протяжении многих веков человек отождествлял себя с социальной группой, к коей он принадлежит, а жизнь его направлялась рядом правил, которые принимались как данность и не подвергались сомнению. По мнению Ж. Моно, именно этот факт оказал существенное влияние на трансформацию «врожденных категорий» человеческого разума и привел к формированию мифологии, религии и философии. Абстрактные умозрительные системы знаний стали той ценой, которую человек платит за совместное бытие в обществе. Ключевая черта этих систем заключается в том, что в их рамках для «облегчения тоски» человека по высшему смыслу устанавливается тесная связь между человеческой историей и историей космоса, вследствие чего место человека в природе оказывается однозначно определенным. Это явление Ж. Моно называет «анимистской традицией», ключевыми ее чертами являются «ненаучность» и «идеологичность».

Однако в реальности единственным источником подлинной истины является объективное познание, представленное наукой современного типа. Только наука способна разорвать тесную обременительную связь между человеком и природой, при этом она не ставит целью успокоение «врожденной тоски» человека и сводится, прежде всего, к практической значимости. «Человек должен наконец пробудиться от тысячелетнего сна, и, пробудившись, он окажется в полном одиночестве, в абсолютной изоляции. Лишь тогда он, наконец, осознает, что, подобно цыгану, живет на краю чуждого ему мира. Мира, глухого к его музыке, безразличного к его чаяниям, равно как и к его страданиям или преступлениям», – считает Ж. Моно [3].

Для полного отхода от «анимистской традиции» необходимо изменение этических принципов и ценностных суждений и, как следствие, выработка новых отношений между этикой и наукой, объективной истиной и моральными установками. Если прежде этика и знание являлись аспектами одной и той же реальности, то теперь между ними намечается граница, призванная способствовать главной цели: достижению истины, при этом «единственный источник настоящей истины... строгая и холодная идея, которая не предлагает никакого объяснения и требует аскетического отказа от всякой другой духовной пищи» [4]. Вместе с тем в качестве единственной ценностной аксиомы сохраняется характерная установка нововременной науки и «этики знания» – «постулат объективности» [5].

Таким образом, «этика знаний» Ж. Моно основывается на базовой ценности науки – объективной истине. Эта жестко очерченная этика, если и уважает человека, то только как поборника знания, и выдвигает определение ценности истины, высшей по отношению к человеку. Этика знания, хотя и замечательна в своей претензии отстоять право науки оставаться аскетичной доктриной, является возвращением к сциентизму, который объявляет науку высшей формой знания, доступной только профессиональным ученым. Научная технократия, которой отдает предпочтение Ж. Моно, стоит в стороне от либеральных и демократических традиций и связанных с ними ценностей свободы, социального саморегулирования посредством выработки общих ценностей, гражданских свобод, уважения к закону. Такой род этики приравнивает ценность личности к ее вкладу в базу научных знаний, а оценка действий исходит из степени приращения научного знания вне зависимости от того, какое влияние оказывает это знание на жизни обычных людей.

Выдвижение принципов «этики знания» стало основой длительной дискуссии, развернувшейся в среде ученых и интеллектуалов. Главным аргументом противников этой концепции стали события Второй мировой войны (появление оружия массового

поражения, эксперименты над людьми в нацистских концлагерях), которые показали, к каким результатам может привести ориентация науки исключительно на достижение истины. Для многих ученых уже в этот период в качестве важнейшей предпосылки работы выступала необходимость соотнесения ориентиров науки с системой общественных ценностных координат и выработки на этой основе этических принципов ее функционирования.

Точка зрения, альтернативная позиции Ж. Моно, была выдвинута Пьером Массе (Pierre Massé), французским экономистом и государственным деятелем, в призыве перехода к этике развития, то есть этике, начала которой коренятся в служении человечеству. В этой концепции объективное научное знание, не будучи основным благом, подчиняется высшему стремлению, а именно, вектору, направленному на совместное действие. Ведущую роль в этой доктрине играют компромисс, гармонизация, примирение, проистекающие из тезиса о том, что биологическое выживание человека как биологического вида зависит от соотношения жесткости и гибкости: соотношения между жесткими требованиями генов и приспособляемостью к воздействиям и влияниям внешней среды. П. Массе распространяет эту модель на человеческое общество. В опровержение неумолимого механизма непредсказуемости, безжалостности и беспощадности личности, он говорит о необходимом существовании измерений справедливости и любви [4].

Цели этой доктрины далеки от интеллектуальных игр, она была призвана найти решения для актуальных задач современности: достижение высокого уровня развития всех сфер человеческой жизни, осознание ответственности перед менее благополучными странами и народами, направленность развития науки на охрану здоровья и др. При разрешении этих проблем, отмечает П. Массе, следует помнить, что невозможно сплоченное общество и устойчивое развитие без общей системы императивов. При этом императивы, необходимые для всеобщего процветания, должны быть сведены к необходимому минимуму, сохраняющему свою актуальность при условии жертв, приносимых индивидом социуму. По мнению Массе, первым требованием того, кто придерживается подобной этики, становится защита свободы, стремление к справедливости и уважение к каждому человеку. Эти стремления характеризуют устойчивое развитие, в котором нет самовыражения без свободы, нет гуманности без справедливости, нет братства без уважения.

Этические принципы, содействуя ежедневной работе ученого и делая возможным конструктивный диалог между идейными противниками, тесно связаны с развитием самой науки. На протяжении второй половины XX века мировое сообщество активно решало вопрос, каким образом, не отказываясь от сущностных характеристик научного знания, распространить общечеловеческие этические установки на новые ситуации, с которыми сталкиваются ученые. Возражения, выдвинутые против «этики знания», основываются на отрицании ею общечеловеческих ценностей. Деятельность ученого, который ратует за диалог, гармонизацию различных идей и примирение противоположных позиций, базируется, прежде всего, на этике развития, которая поддерживает эти гуманистические традиции.

Итак, 1970-е гг. можно рассматривать как важный период в развитии научной этики. Именно в это время происходит отказ от идеала науки, нацеленной на получение объективного знания без учета влияния на ход социокультурного развития. «Этика знания» Ж. Моно стала одной из последних концепций, отстаивавших позицию ценностной нейтральности науки и потерпевших неудачу в силу целого ряда причин, вызванных наступлением эры «большой науки». На основе этих дискуссий в последней трети прошлого века был создан целый ряд разного рода нормативных документов, призванных направлять и регулировать деятельность ученых в соответствии с

общечеловеческими моральными установками. Институализация этических норм научного сообщества на сегодняшний день принадлежит к числу приоритетных направлений его развития. Важность ее определяется, не только потребностью в самоорганизации, но и необходимостью регуляции динамических отношений, существующих между наукой, как постоянной социальной деятельностью, в которой рождаются культурные и цивилизационные продукты, и обществом [6].

Литература

1. Аванесов С.С. Аксиология научного познания // Труды Всероссийского философского семинара молодых ученых им. П. В. Копнина. – Томск, 2006. – С. 10.
2. Мамчур Е.А. Научное познание и ценности // Природа. – 1989. – № 8. – С. 27.
3. Пригожин И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М.: Прогресс, 1986. – С. 43.
4. Cournand A. The code of scientist and its relationship to ethics // Science. – Vol. 198. – № 4318. – P. 699–705.
5. Фролов И.Т. Этика науки: проблемы и дискуссии / И.Т. Фролов, Б.Г. Юдин. – М.: URSS, 2009. – С. 75–111.
6. Об этических принципах научной деятельности: Аналитический обзор и Проект Декларации для государств – участников СНГ / Р.Г. Апресян, О.И. Кубарь, Б.Г. Юдин. – СПб.: Издательство НИИЭМ им. Пастера, 2011. – С 6.